Russian Entomol. J. 26(3): 289–298

Personalia

Yuri Popov — as we remember him

Dr. Yuri Popov, born 5 March 1936, passed away 16 November 2016. Upon graduation from the Entomology Department of Moscow State University, he joined the Arthropoda Lab of the Paleontological Institute, where he studied fossil and living true bugs and their kin and became a major expert in that area. He was a man of many talents and had lots of friends all over the world. The few flashbacks collected here are but a small tribute to his memory.

Randall T. Schuh

Yuri and I crossed paths two times. First, in my office at the American Museum of Natural History, sometime in the 1990s. We had a conversation about bugs and got acquainted. When he left, I felt like I had a new friend. The other time was at the second meeting of the International Heteropterists' Society in St. Petersburg in July 2002. Yuri was among the several Russian heteropterists who attended, and it was a pleasure to see him once again. His optimism and enthusiasm in his interpersonal interactions, as well as for the study of true bugs, were evident on both occasions.

Yuri was, doubtless, the driving force in the modern study of Heteroptera fossils, and particularly his work on the Nepomorpha is a landmark publication in the study of the group and in insect paleontology and classification. He saw the real value in integrating data from the Recent fauna in his work on fossils, an effort that was informed by his early and continuing interest in the study of the living Heteroptera. His published works will serve as a lasting reminder of the energy he put into fieldwork and the detailed study of the specimens derived from it.

May he rest in peace.

Robin Wootton

Although we have seldom met in the last five decades, I have always considered Yuri Alexandrovich to be one of my greatest friends. I came to work at PIN in 1963, on one of the first exchange fellowships between the Soviet Academy of Sciences and the Royal Society. The PIN staff were very welcoming, though Elena Ernestovna Bekker-Migdisova and Alexander Grigorievich Sharov both tended to lecture me about the wickedness of the West. Yuri, Alik Rasnitsyn, Sasha Ponomarenko, Iren Sukatsheva and Lyusi Pritykina were all about my age, and we had much to talk about, as you can imagine, preferably where nobody else could hear. It was all a great experience, at a very interesting time. The USSR had only recently begun to acknowledge that there was good science happening outside the Soviet block, and all the young scientists were learning English.

Boris Borisovich Rohdendorf allocated Yuri to look after me and to act as liaison between myself and the authorities. He could not have made a better choice. We

were the same age, we worked on the same groups, and we soon found that although our ideological backgrounds were totally different we had similar interests and enthusiasms and, most important, we shared the same sense of humour.

Our friendship was immediate. Yuri introduced me to Moscow. Together we explored the Kremlin, visited the Novodevichi and Donskoi monasteries, the Tretyakov and Pushkin galleries, the Exhibition of Economic Achievements. As a guest of the Academy I was able to get tickets for the Bolshoi Theatre, and together we saw the great Prokofiev, Tchaikovsky and Stravinsky ballets, Eugene Onegin, Falstaff, and went to concerts at the Conservatory and the Congress Palace. In May we went together to Leningrad to study two palaeontinid holotypes, but a delay in getting permission to see the second fossil kept us there for two weeks, in beautiful weather, with nothing to do but visit the palaces, the churches, the galleries, the Mariinsky (then Kirov) Theatre for more ballets, and to walk up and down Nevski Prospekt and row each afternoon on the Neva to keep cool and to discuss palaeoentomology, life, and politics – well away from listening ears.

In the summer, after long negotiation, Pamela, my entomologist wife, came to join us, and we flew out with Yuri to join the PIN expedition to Karatau and Madygen, led by Sharov. We were, I believe, the first western scientists to be allowed a place on an Academy of Sciences expedition, and it was an unforgettable experience. There were tensions: Sharov, a dedicated member of the Party, suspected us quite incorrectly of collecting adverse propaganda for the Western press, and Yuri's support for us was greatly appreciated on several difficult occasions.

The International Congress of Entomology in Moscow in 1968 allowed us to meet again, and I remember happy parties with PIN friends and with Jarmila Kukalova, John Evans and his wife — R.J. Tillyard's daughter. Several years later Yuri was able to visit the UK, and he stayed with us for several weeks while we wrote a paper together on Mesozoic Coleorrhyncha and Heteroptera, establishing without doubt that these are sister-groups. Yuri also, with great pleasure, discovered English beer!

We exchanged New Year greetings for the rest of Yuri's life, but only met again twice: joyfully, with other old PIN friends at the International Congress of Palaeoentomology in Krakow, where we celebrated together on a memorable evening, and when Yuri again came to Britain with other Moscow palaeoentomologists in 2005. He again stayed with us in Devon, and together we visited Dartmoor — home of the Hound of the Baskervilles. To our great pleasure he was able to meet again our son and daughter, whom he had known as young children (he called them Rasboinik and Kotecku), and their own children.

Yuri's friendship was one of the enduring pleasures of my life. My wife and I often talk about him, and remember things he said and jokes and songs that we shared. We were very sad indeed to hear that he had died.

Александр и Надежда Пономаренко

С Юрием Александровичем мы познакомились и подружились в 1957 году, когда еще были студентами-энтомологами, и всю жизнь мы так и оставались друзьями, что бы ни происходило. Мы всегда твердо знали, что «Юрка» или «Киса» (обычные ники Попова, иначе его никто и не называл, дети звали Дядя Киса) поможет всегда. Что Ю.А. был замечательным ученым, уже много сказано, но нельзя не упомянуть еще раз, каким незаменимым сотрудником он был в экспедициях. Он всегда брал на себя самую тяжелую работу. И не только работу. Он был очень важен для создания должного эмоционального микроклимата в экспедиционном отряде. Чаще всего я вспоминаю даже не совместную работу, а вечера в Монголии, когда Юрка забирался на холм над лагерем с флейтой и играл, сидя на фоне роскошного монгольского заката. Это было так важно после достаточно тяжелого дня рутинной экспедиционной работы. Юрка был необыкновенно контактен и дружелюбен, его любили практически все. Один из его многочисленных приятелей создал его герб с клопом-миридой в геральдическом поле, а я придумал к нему девиз...

Ю.А. не был аккуратистом. Он занимался множеством дел сразу. Нужно было неоднократно требовать от него обещанную рукопись, и обычно он сдавал ее последним. Однако он ее все же сдавал, и ради этого стоило постараться. Одного я, несмотря на неоднократные попытки, не смог от него добиться — занятия преимущественно мезозойскими ископаемыми. Представления об общих чертах мезозойской фауны полужесткокрылых так и не существует, а ведь никто не сделал бы это лучше его. Изучение янтарных насекомых, конечно, нужно и важно — как писал Маяковский, «доходней оно и прелестней» — но опыт и умение Ю.А. лучше было направить на изучение презренного каменного материала, как ни мучительно им заниматься.

Всю недолгую оставшуюся жизнь мы будем вспоминать дорогого «дядю Кису».

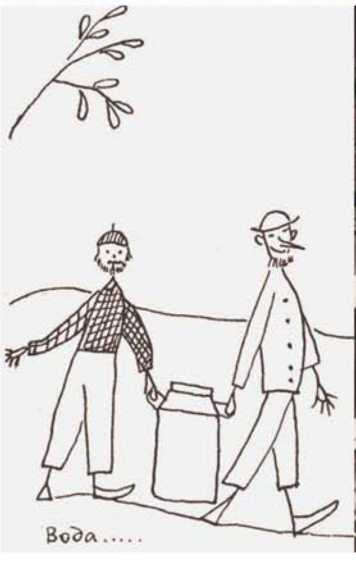
Yuri Popov, 1960s–70s (from top left to bottom right): 1 — with Alex Rasnitsyn and Elena Bekker-Migdisova, Arthropoda Lab,1961; 2 — 1970s; 3 — with Irina Sukatsheva, Margarita Borisoglebskaya, Alexander Sharov, Pamela Wootton, and driver Nikolai, Madygen, 1963; 4 — with Alexander Ponomarenko in Karatau-Madygen expedition, early 1960s ("Water...", drawing by Olga Kudryavtseva, fragment); 5 — with Lyudmila Pritykina in their office, 1970s.

Ю.А. Попов, 1960–70-е годы (сверху вниз, слева направо): 1 — Ю.А., А.П. Расницын и Е.Э. Беккер-Мигдисова, лаб. артропод, 1961; 2 — 1970-е годы; 3 — Ю.А., И.Д. Сукачева, М.Б. Борисоглебская, А.Г. Шаров, Памела Вуттон и шофер Николай, Мадыген, 1963; 4 — А.Г. Пономаренко и Ю.А., экспедиция в Каратау и Мадыген, начало 1960-х годов («Вода...», шарж О.Н. Кудрявцевой, фрагмент); 5 — Л.Н. Притыкина и Ю.А. в их кабинете, 1970-е годы.

Вода.....

Лев Медведев

Я познакомился с Юрой в далеком 1953 году, когда я, второкурсник, вел энтомологический кружок по поручению зав. кафедрой Е.С. Смирнова для учеников старших классов, а Юра еще учился в 9-м классе. Через пару лет он также поступил на биофак. Как многие начинающие энтомологи, он занялся жужелицами, но его наша преподавательница О.А. Чернова быстро переориентировала на полужесткокрылых. Его первая экспедиция была в Среднюю Азию, куда его пригласил известный энтомолог-любитель Н.Н. Филиппов.

Хотя Юра перестал заниматься жуками, мы быстро привязались друг к другу. Юра часто ночевал у меня в новом общежитии (тогда мы имели отдельные комнаты), а его мать, Наталья Никитична, часто привозила нам что-нибудь съестное.

На протяжении многих десятилетий мы оставались добрыми друзьями и часто встречались друг с другом.

К сожалению, Юра ушел первым.

Дмитрий Щербаков

В 1976 году, еще студентом я пришел в лабораторию артропод (тогда она располагалась на Малой Полянке, занимая цокольный этаж доходного дома) и встретил там много замечательных людей. Одной из самых ярких фигур был Юрий Александрович. Большой, звучный, с пышной бородой, вечно с трубкой, излучающий дружелюбие и аромат голландского табака, то и дело отсутствующий по причине очередной загранкомандировки — что-то в нем было от капитана дальнего плавания... Невозможно было не подпасть под его обаяние. Сблизило нас и то, что мне предстояло заняться ископаемыми цикадами, а Ю.А. изучал клопов — «настоящих полужесткокрылых», мягко уточнял он, поскольку только ленивый не рифмовал «клопов» с «Попов».

Влившись в этот дружный коллектив, я оказался в одном кабинете с Ю.А. и в итоге стал соучастником его исследований колеоринх — реликтовых родичей клопов и цикад. Именно Ю.А. позвал меня в экспедицию в Монголию в 1986 году. То были экспедиции не чета нынешним — два ГАЗ-66, человек пятнадцать народу, и петля на всё лето на половину Гоби... Ю.А., как всегда, был душой компании. Ему нужно было вернуться в Улан-Батор раньше других, и при расставании все дамы отряда повисли на нем живой гроздью...

Были и другие совместные поля: за юрскими насекомыми в Кубеково над ширью Енисея, или за современными в Копетдаг — помню, как Ю.А. коллектировал мелких обитающих на почве клопиков, «герпетобиев», как он их любовно называл. Осенью 1989 года Ю.А. был в Германии, оказался свидетелем падения Берлинской стены, привез нам ее кусочек — и ветер перемен. Когда зарплаты съежились, Ю.А. на одном из лабораторных сборищ предложил ввести должность «святого научного сотрудника», работающего за интерес.

Ю.А. всегда был передовиком по части международного сотрудничества. С 1990-х годов он в основном переключился на клопов в янтарях, описывая их вместе с коллегами из разных стран. Ю.А. Попов стал одним из «столпов» российской команды на международных конгрессах палеоэнтомологов, начиная с самого первого в 1998 году в Москве.

Осенью 2016 года Юрий Александрович пригласил нас в гости. Сразу приехать не получилось, что-то помешало, а потом вдруг его не стало...

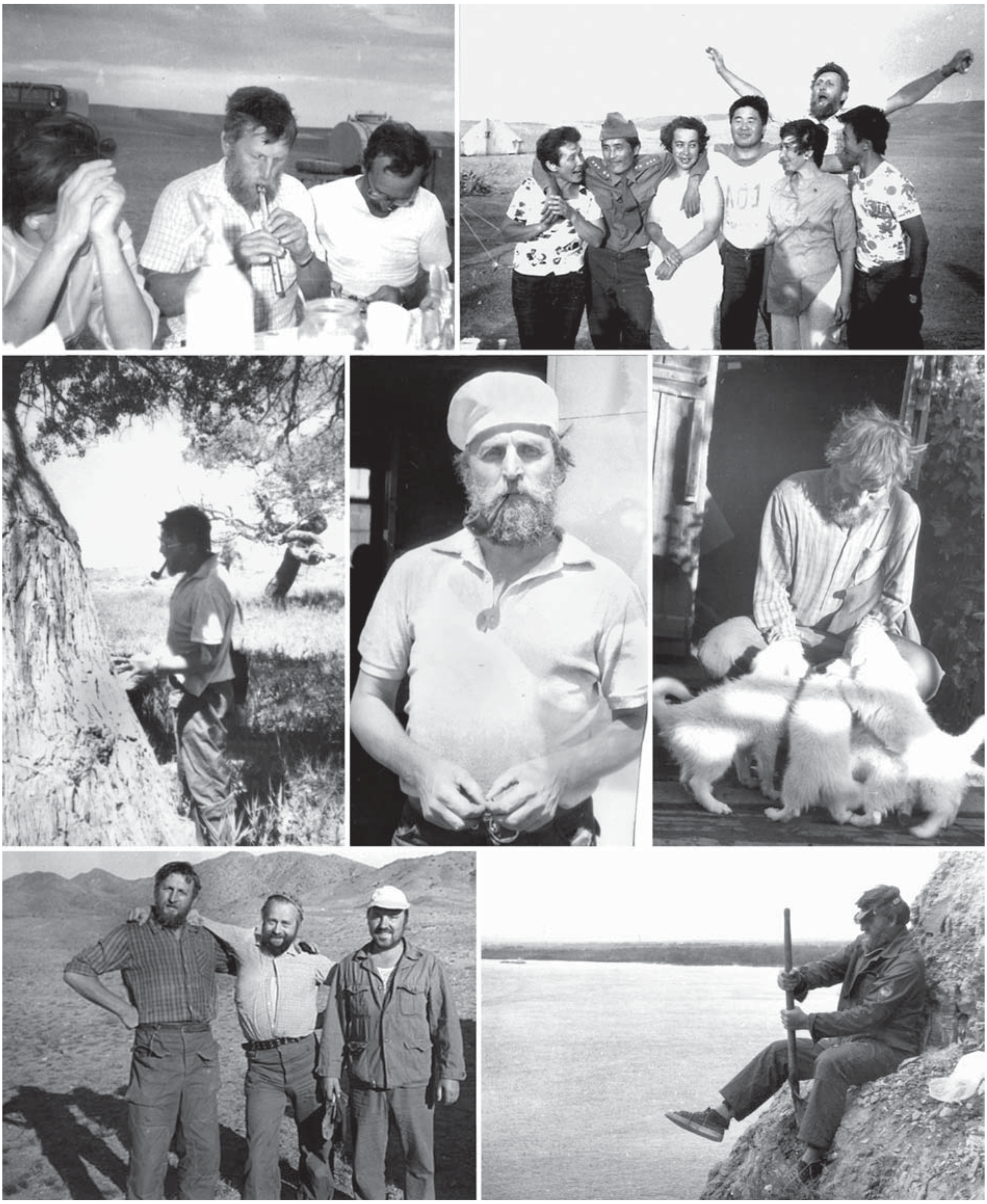
Mike Mostovski

Curiously, my first — as I realized many years later — encounter with Yuri Alexandrovich occurred in early 1980s in Mongolia, where he was the Head of the Joint Soviet-Mongolian Palaeontological Expedition and I was a schoolboy living in Ulaanbaatar with my parents. The good fate brought us together again in 1993, when I joined the Arthropoda Lab doing my master's project and doctorate afterwards. From my first days there I couldn't help but be encharmed by Yu.A.'s good humour and chivalry. We used to enjoy a pipe together and he taught me hints how to keep tobacco moist and add extra flavour to it. He presented me with one of his old pipe specimens, which I still cherishingly possess despite having quit. Yu.A. was always the soul of any company; his mastership of making speeches and proposing toasts often made his table-companions end up in laughing tears. We stayed in touch when I left for South Africa and last met in person in 2005. Yu.A. came to the FossilsX3 conference in Pretoria, and then travelled down to Pietermaritzburg along with his colleagues for a short collecting trip and sightseeing. We spent several wonderful days in the field in gaiety and Yu.A. was in his highest spirits. Being a man of diverse talents, Yu.A. had a keen interest in numismatics and we passed his last night in South Africa sorting pre- and post-1994 South African coins, which he took with him back to Moscow. We exchanged occasional letters since then, and Yu.A. became excited about me finding a backswimmer in the Lower Cretaceous of the Western Cape – the first undisputed Cretaceous insect in South Africa!

I miss Yu.A. terribly. May he rest in peace...

Piotr Węgierek

Although it was 30 years ago, I can still remember how I met Yuri Alexandrovich in Moscow. It was my first visit to Russia and I arrived as a doctoral student in PIN. My luggage consisted of one very heavy bag, and I was surprised to see how easy it was for Yuri to lift it. It became a tradition of ours to say good-bye at the *Belorusskij Vokzal* when I was going home. There was always a glass of vodka and a traditional Russian minute to sit in silence before I departed. Later, when he visited Katowice we used to chat. I realized how intelligent and acute he was in his opinions about the world and science. I think only a few had the privilege of knowing Yuri Alexandrovich in such a way. Whenever it was possible I saw him off when he was heading home. I wish I had had a chance to bid him the last farewell.

Expeditions: 6–7 — Shar Teg, Mongolia, late 1980s, with Yuri Gubin, Sophia Sinitsa, Irina Dobrokhotova, Elena Shnitnikova and others; 8 — on the way to Shar Teg, inspecting elm bark for corticolous bugs; 9 — Ulanbaatar, 1986; 10 & 12 — Kubekovo, Enisei River, 1988; 11 — with Alexander Ponomarenko and Victor Alexandrov, Bakhar, Mongolia, 1980.

Экспедиции: 6–7 — Шар Тэг, Монголия, конец 1980-х годов, Ю.А., Ю.М. Губин, С.М. Синица, И.Л. Доброхотова, Е.В. Шнитникова и другие; 8 — по пути в Шар Тэг Ю.А. осматривает ствол карагача в поисках обитающих на коре клопов; 9 — Улан-Батор, 1986; 10 и 12 — Кубеково на Енисее, 1988; 11 — Ю.А., А.Г. Пономаренко и В.А. Александров, Бахар, Монголия, 1980.

Christel and Hans Hoffeins

When we met Yuri for the first time — is not easy to remember among so many memories.

Once (end of 1990?) he came to visit Hamburg invited by the "Amber Workshop" at the Geological-Palaeontological Institute, headed by chairman Dr. Wolfgang Weitschat and treasurer Peter C. Voigt.

Peter was single, and his flat and office was a nice place to stay. Not to forget to mention, both Yuri and Peter were known to be strong drinkers. After a long day's work during this first visit, Yuri woke up next morning in the bathroom, having spent the night in *Wanna* [the bath], so he said.

On the occasion of Yuri's next visit to Hamburg in 2001, Dr. Weitschat was looking for accommodation and asked the Hoffeins for assistance. He himself was afraid to host YP. So this was our first close contact with Yuri.

And what to say — it was a pleasure for both sides, and for many years!

We stayed together in our small flat during his visits to Germany in 2005 and 2012, and we accepted his invitation to Moscow in April 2011. The annual amber fair "Amberif" was also a regular meeting point.

Always cheerful, with a great sense of humour, laughing blue eyes, he even understood jokes in German language, and was able to understand and cite the humorous poems of Wilhelm Busch; when satisfied with food, beverages and bug inclusions, he often intoned that melody of the ballad "*O du lieber Augustin*" but replacing "Augustin" with his own words, dedicated to one of his bugs: "*O du liebe Emesin, Emesin, Emesin*".

Thinking about the FossilsX3 conference in South Africa, we can tell a nice story from the post-conference tour. Little Switzerland provided a scenic landscape where participants enjoyed staying in a secluded lodge, with excursions to fossil sites. Returning from an excursion, some strolling people were suddenly surprised by a thunderstorm. Yuri was soaked down to the bones. With a good glass of beer, he soon managed to get a dry shirt and trousers without any problems, and in the evening he was entertaining crowds in the restaurant as an acceptable piano player.

Ernst Heiss

It was in the 90s of last century when Wolfgang Weitschat, professor and editor of the renowned "Mitteilungen des Geologisch-Paläontologischen Instituts der Universität Hamburg" called me to join him in Hamburg, as Yuri Popov would be there as well. Although we knew each other by correspondence, it was a great moment, to meet Yuri — the famous Russian palaeontologist — in person.

Sharing sympathy, a common interest in amber insects, and being the same age — Yuri was just a month older — we immediately became friends. This friendship increased during the following years when preparing joint manuscripts on new fossil Heteroptera, their results based primarily on Yuri's rich palaeontological knowledge and experience. Frequent correspondence over the years and several joint papers deepened our mutual understanding and appreciation.

Later we met twice at the Fossil X3 conference 2007 in Vitoria-Gasteiz in Spain and in 2012 at the 6th European Hemiptera Congress in Blagoevgrad, Bulgaria. On these occasions I particularly learned about his broad knowledge, open mind and also his subtle humour, when longer discussions — while empting several glasses of liquor or wine — were frequently interrupted by "На здоровье"!

Because of his bearded habitus — resembling famous "old" palaeontologists like A. Handlirsch or A.V. Martynov — his always friendly attitude, generosity and unselfish support in every way, Yuri personified for me "the straightminded Russian character" in the best sense and I am proud to have met this outstanding scientist, colleague and dear friend.

I'll miss you, Yuri!

Dany Azar

I was very sad when I read an e-mail from Alexander Rasnitsyn announcing the loss of Yuri Popov. Yury was a great palaeoentomologist with always a very pleasant temperament. I have never seen this great man without a big smile on his charming face. The first time I met him was 1998 in Moscow, then in Vitoria-Gasteiz, Alava (Spain), Krakow (Poland), Isle of Wight (UK), Pretoria (South Africa), again Vitoria-Gasteiz, Beijing (China), Gdansk (Poland), and finally in Byblos (Lebanon). I still remember his hilarious and peaceful laugh and his well known saying "I love coffee, I love tea, I love girls, and girls love me"... I remember as well how he and Dmitry Shcherbakov discovered for me the monastery of Saint Sergey. I remember his dances in all congress and gala dinners. Yuri was a great scientist who I will always remember with good and pleasant memories.

Carmen Soriano

I remember the first time I met Yuri in 2002. It was during my first visit to Moscow to work with Alexander Ponomarenko at the Paleontological Institute for three months, and it was my first long trip alone to a foreign country during my PhD. Yuri came to the airport to pick me up (with Misha Mostovski), and I could not have felt more welcome. He gave me a lovely smile when we met, and start singing one of the arias of Carmen (I think to ease my obvious nervousness) during the travel to downtown Moscow. During my long stay, he always had kind words for me, as well as interesting comments on his experience as a paleoentomologist.

Later I met him not only in Moscow during my yearly visits, but also in the different cities where the Congress of Fossil Insects was held (Spain, Beijing, etc), as well as during the Isle of Wight project in the UK. On each of those occasions I could see how valued Yuri was, not only by the established researchers, but also by the next generations, who knew him thanks to his publications, but also through many references by other scientists.

Conferences: 13 — with Alexander Ponomarenko, Aleksander Herczek, Piotr Węgierek, Evgeny Perkovsky, 1st Paleoentomological Conference, Moscow, 1998; 14 — with Robin Wootton, 2nd Congress on Palaeoentomology, Krakow, 2001; 15 — with Victor Golub, 2nd meeting of International Heteropterists' Society, St. Petersburg, 2002; 16 — playing piano, excursion after FossilsX3, South Africa, 2005; 17 — with Aleksander Herczek and Ernst Heiss, FossilsX3, Vitoria-Gasteiz, 2007.

Конференции: 13 — А.Г. Пономаренко, Ю.А., Александр Херчек, Петр Венгерек и Е.Э. Перковский, 1-я палеоэнтомологическая конференция, Москва, 1998; 14 — Робин Вуттон и Ю.А., 2-й палеоэнтомологический конгресс, Краков, 2001; 15 — В.Б. Голуб и Ю.А., 2-я конференция международного гетероптерологического общества, Санкт-Петербург, 2002; 16 — Ю.А. за пианино, экскурсия после палеоконгресса, Южная Африка, 2005; 17 — Александр Херчек, Эрнст Хайс и Ю.А., палеоконгресс, Витория-Гастейс, 2007.

He was a dear friend and a valued colleague. He made my life brighter every time we met. I specially remember the time when we went to visit the dacha of A. Ponomarenko outside Moscow, and how much we laughed and talked during those days.

My deepest condolences to the family, and to all his friends in the Institute. We will miss you, Yuri.

Виктор Голуб

Изучая с Юрием Александровичем ископаемых клопов-кружевниц и их сородичей в янтарях и по отпечаткам, я всегда восхищался его интуицией, даром предвидения. Эти качества были основаны на его таланте, способности быстро, в уме, выделить и обобщить основные черты организации и, конечно, на огромном опыте ученого-палеоэнтомолога. Не вдаваясь в детали, только по одной-двум особенностям он уверенно мог сказать о новизне таксона различного ранга — вида, рода или даже семейства, целесообразности или, наоборот, нежелательности его выделения или изменения его ранга. Не припомню ни одного случая, чтобы Ю.А. ошибся, высказывая свое мнение о статусе того или иного таксона. Он четко представлял родственные взаимоотношения семейств, подсемейств и триб, последовательность их смены в историческом процессе. Именно Ю.А. предложил совместно подготовить обобщающую работу с рассмотрением исторического развития надсемейства Tingoidea. В итоге работа была выполнена и опубликована, прояснив эволюцию этих красивейших насекомых с «кружевными» хитиновыми покровами.

Интересы Ю.А. были разносторонни, а таланты обширны. В гостях у нас дома в Воронеже и у моей дочери, сотрудницы Зоологического института РАН в Петербурге, он играл на пианино, иногда красиво пел, увлеченно играл с моей внучкой. Однажды мы даже устроили концерт, организовав подобие смешанного детско-взрослого инструментального ансамбля. Ю.А. при этом играл на детской дудочке, внучка — на детской гитаре, а ее дед — на таком же детском барабане. Наверно, это было новое слово в музыке. Всем нам было весело и смешно, и долгий зимний петербургский вечер пролетел незаметно. Когда же мы с ним бывали на юбилеях биостанции Воронежского университета в окрестностях города, Ю.А. непременно сходился интересами с кем-нибудь из преподавателей университета — любителем и умеющим петь, и тогда красивые арии и песни мощного мужского дуэта неслись над застывшим от восторга седым Усманским бором.

Но, наверно, самое удивительное качество Ю.А. как человека — это его огромная любовь к животным, особенно к собакам и птицам, при этом к собакам не только домашним. Свою жизнь без животных Ю.А. просто не представлял. Не было такого случая, когда бы мы вместе с ним шли с продуктами из магазина и, при встрече с одинокой псиной или несколькими дружелюбными собачками, Ю.А. не выделил бы им приличный объем сосисок, шашлыков и другой снеди. И окруженные брошенными кем-то братьями нашими меньшими, почувствовавшими доброту вкусно пахнущего большого бородатого человека, мы медленно подходили к его загородному дому под Москвой или к моему домику на биостанции под Воронежем.

С одной из таких неприкаянных симпатичных собачек по кличке Цыганка (черненькая была), которую мы подкармливали на биостанции ВГУ, у Ю.А. случился настоящий крепкий и многолетний «роман». Мы тогда с Ю.А., как это нередко бывало, зимой проводили несколько дней на биостанции в красивом уголке Усманского бора. Мне надо было на день отъехать в Воронеж, и я оставил Ю.А. одного в натопленном доме, с хорошим запасом провизии. На дворе стояла стужа, как сейчас помню — минус двадцать. А когда я вечером вернулся, то увидел восхитительную и умилительную картину: Ю.А. спит, а на его груди уютно прикорнула Цыганка. Услышав, что кто-то вошел, она немедленно вскочила, приняла на груди Ю.А. устрашающую позу и даже попыталась слегка зарычать, защищая своего нового хозяина, хотя меня она прекрасно знала. Хорошо, что я привез продукты, ибо запасов мясного провианта, конечно, уже не было. Зато брюшко у Цыганки было непропорционально велико и даже мешало ей передвигаться по широкой груди Ю.А. Новый хозяин поведал мне о том, что он пригласил Цыганку в дом поесть вместе с ним, встретился с нею глазами, и они полюбили друг друга с первого взгляда. И он тут же объявил мне их общее решение о том, что расставаться, видите ли, они не желают и не будут. И он увез ее в Москву, несмотря на мои уговоры не делать этого, так как Цыганка, сообразно ее кличке, свободолюбива от рождения, и вряд ли из нее получится комнатная или даже дворовая собака. Как Ю.А. провез ее в вагоне без справки о прививках, осталось тайной, за исключением того, что собачка очаровала проводницу. Вела себя Цыганка в вагоне, по его словам, безупречно. Поистине дворянская порода. В Москве Ю.А. вылечил ее от множества болезней, включая плеврит, дал ей новое имя, Муха, и она стала всеобщей любимицей, как людей, так и собак вблизи его загородного дома — и более того, предводительницей местных четвероногих, особенно мужского пола.

С птицами Ю.А. тоже очень дружил. Каждое утро он начинал с обхода своего дома, раскладывая в кормушки для синиц, снегирей, воробьев, ворон различные корма, с учетом диеты каждого вида. И птицы ждали своего кормильца, слетались в установленное время, создавая веселый гам в «пунктах приема пищи». Поэтому двор Ю.А. даже лютой зи-

---

И еще: 18 — Кристель Хоффайнс, Ю.А. и И.Д. Сукачева, лаб. артропод, 2011; 19 — Ю.А. и Кармен Сориано, дача А.Г. Пономаренко, 2004; 20 — Ю.А. и А.Г., лабораторный пикник, 1997; 21 — Д.Е. Щербаков, Ю.А. и К.Ю. Еськов, проводы в поле, 2002; 22 — А.В. Храмов, Ю.А., Е.А. Сидорчук, А.П. Расницын и Е.В. Ян, палеоконгресс, Ливан, 2013; 23 — Москва, 1997.

And more: 18 — with Christel Hoffeins and Irina Sukatsheva, Arthropoda Lab, 2011; 19 — with Carmen Soriano, dacha of A. Ponomarenko, 2004; 20 — with Alexander Ponomarenko, lab picnic, 1997; 21 — with Dmitry Shcherbakov and Kirill Eskov, before a fieldtrip, 2002; 22 — with Alexander Khramov, Ekaterina Sidorchuk, Alex Rasnitsyn, Evgeny Yan, FossilsX3, Lebanon, 2013; 23 — Moscow, 1997.

мой отличался оживлением: то тут, то там пролетали озабоченные пернатые, поодиночке и маленькими стайками, в ожидании дополнительного питания.

Такая гармоничность Юрия Александровича как талантливого ученого-палеоэнтомолога, безраздельно любящего все живое, — по-моему, суть его жизни.

Sergei Golovatch

Yuri Popov, my dear friend and fellow naturalist, a prominent specialist in the taxonomy and evolution of true bugs, both fossil and recent, passed away last November at the age of 80. That was a shock… not that people do not die, even at a much younger age, but knowing Yuri, his amiable personality like that of a vivacious child and his endless optimism – that was still too difficult to comprehend!

Our acquaintance dates back to 1981 when I called at the Lab of Palaeoentomology of the Palaeontological Institute where Yuri worked. I had been there before, but Yuri was too often absent from his office. Luckily, he was the one to open the door that time. There stood Santa — bearded, moustached, light-haired, big, handsome, and loud…

Over the years that first impression only strengthened. He WAS Santa! Every time we met, I saw what a secure, kind and gifted intellectual Yuri was! He was never envious. Nor did he dream of high academic status, refusing to defend a Habilitation Thesis after his PhD. His peak official achievement was Head of the Joint Soviet-Mongolian Palaeontological Expedition which he quit rather quickly. Instead, he was mainly absorbed by research, being fully devoted to his beloved bugs. He travelled a lot, both domestically and internationally. I doubt there was or is any contemporary expert or authority in bug systematics and evolution who has not met Yuri!

So today I feel like Santa is no more! Without Yuri, we who knew him and considered him a friend have been orphaned. God bless his soul.

Links

Wikipedia / Википедия

https://en.wikipedia.org/wiki/Yuri_Alexandrovich_Popov

https://ru.wikipedia.org/wiki/ Попов,_ Юрий_Александрович

https://de.wikipedia.org/wiki/Juri_Alexandrowitsch_Popow

Jubilee note (2011)

https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/pjen.2011.80.issue-4/v10200-011-0047-7/v10200-011-0047-7.pdf

Obituary (Paleontological Journal) / Некролог

http://palaeoentomolog.ru/obituary.html

http://palaeoentomolog.ru/popov_obituary2017.pdf

Obituary (Polish Journal of Entomology)

https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/pjen.2017.86.issue-1/pjen-2017-0001/pjen-2017-0001.pdf

List of publications

http://palaeoentomolog.ru/Personnel/popov.html

More photos, drawings, notes, and translations of Russian memories / Еще фото, рисунки, заметки, и т.д.

http://paleoentomology.ru/popov/eng/index.html

http://paleoentomology.ru/popov/index.html

Thanks to Max Barclay and Svetlana Nikolaeva, Natural History Museum, London and Roman Rakitov, Paleontological Institute, Moscow for checking the English.

Compiled by D. Shcherbakov. Photos by O. Amitrov (1), C. & H. Hoffeins (16, 18), F. Konstantinov (15), A. Ponomarenko (6–8, 19), D. Shcherbakov (title, 9–10, 12–14, 20, 23), D. Vorontsov (22), and R. Wootton (3).

Robin Wootton, University of Exeter, UK
Sergei Golovatch, Institute of Ecology and Evolution, Moscow, Russia
Dany Azar, Lebanese University, Fanar-Matn, Lebanon
Victor Golub, Voronezh State University, Voronezh, Russia
Ernst Heiss, Tiroler Landesmuseum Ferdinandeum, Innsbruck, Austria
Christel and Hans Hoffeins, Hamburg, Germany
Lev Medvedev, Institute of Ecology and Evolution, Moscow, Russia
Mike Mostovski, University of Tel Aviv, Israel & University of KwaZulu-Natal, Pietermaritzburg, South Africa
Alexander and Nadezhda Ponomarenko, Paleontological Institute, Moscow, Russia
Randall T. Schuh, American Museum of Natural History, New York, USA
Carmen Soriano, Argonne National Laboratory, Illinois, USA
Piotr Węgierek, University of Silesia, Katowice, Poland
Dmitry Shcherbakov, Paleontological Institute, Moscow, Russia

